

ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА

*Письма военврача 3-го ранга Николая Куприяновича Гусаченко
сестре Раисе Гусаченко (февраль 1941 года — май 1942 года)*

Двинск (Даугавпилс), 16 февраля 1941 г.

Здравствуй, моя дорогая, крепко любимая Раечка!

Сегодня я получил от тебя письмо, которое меня обескуражило. Ты тысячу раз права, когда скромно, как это присуще твоей натуре и твоему чуткому сердцу, упрекаешь меня в молчании. Если до сегодня я еще имел всякие «объективные причины», то с получением твоего письма все эти «объективки» улетели так (ты красиво выразилась!), «как с белых яблонь дым». Ну что ж, дым развеян — надо объясниться...

...Раечка! Ты думаешь, я не знаю, что такое студенческая жизнь? Знаю прекрасно и то, что вам (*обеим сестрам-студенткам, Вале и Рае. — Е.Г.*) хуже, нежели было мне. Я был у тебя и надавал кучу обещаний, но ни одного не выполнил. Пытался передать тебе и Вале посылку с тетрадами и еще кое с чем, но кому зря ее нельзя доверить, а знакомых в новой части нет.

Скоро я попытаюсь получить отпуск за 1941 год и приеду специально к тебе.

...Когда я узнал о твоей успешной сдаче экзаменов, не удивился: я ни капельки в этом не сомневался. Ты у меня молодец, а я даже недостойн быть твоим братом! Твое письмо мне понравилось: само его построение уже заставляет думать, что из тебя выйдет настоящий литературный работник. Я горжусь тобой! И я уверен, Раечка, что в 1945 году ты, кроме хорошего диплома, будешь иметь и достойную тебя работу.

Теперь о Виталике (*сын. — Е.Г.*). Он заметно подрос и поумнел, уже хорошо разговаривает и все понимает, свободно произносит сложные фразы. Знает несколько стихотворений, но по просьбе их никогда не декламирует. Зато поет песни с пластинок Вертинского. Очень любит слушать сказки, просит петь песню про трех танкистов. Долго вспоминал и показывал на фото дедушку Куприяна и бабушку Пашу...

Вот все о нашей жизни. Завтра попробую через одного человека сделать тебе переводик на небольшую сумму.

Привет и поцелуй от Маруси (*жена. — Е.Г.*) и Витусика.

Твой брат Коля.

Семья военврача Николая Гусаченко

Фронт, 8.IV.1942 г.

Здравствуй, моя дорогая сестричка!

Я получил от тебя письмо! Как это было неожиданно — думал, что с тобой уже не налажу переписку. Раечка! От папы (*Куприян Иванович Гусаченко. — Е.Г.*), несмотря на то, что послал ему 5 писем, ответа нет. От Маруси (*Мария Тарасовна Пшеничная, жена. — Е.Г.*) ничего не получаю. Только ты сумела разыскать меня, за что я бесконечно благодарен.

Раечка! Немного о себе. Я на фронте. А на войне, как на войне. Был на Ростовском направлении, там мы имели успех, и еще какой успех! Сейчас наша часть оперирует недалеко от Изюма. Мы все время в боях, и здесь добиваемся побед. Фрицы называют нашу часть сумасшедшей за то, что мы наносим удары тогда и там, где нас совсем не ожидают. Берем пленных, трофеи. Так, 2 дня тому один наш боец сел на танк, поставил на башню пулемет «Максим», ворвался в расположение фрицев и дал им такого перцу, что долго будут помнить его. Он убил 12 фрицев и многих ранил. Правда, его тоже ранили. Чтобы много рассказывать, надо много времени, поэтому я ограничусь этим. Скажу одно. Теперь праздник на нашей улице. Победа будет за нами!

Я работаю старшим врачом полка. У меня большой штат. Много сделал полезного. Вот и сейчас одного оперировал...

Раечка! Прошу тебя написать побольше о Виталике. Как я по нему скучаю! Думаю вырваться к папе в Изюм.

Пиши чаще, не ожидая ответа.

Целую. Твой брат Коля.

Фронт, 10.IV.42

Раечка!

Я выслал 6-IV-42 г. по адресу, указанному тобою (Воронеж, ул. Транспортная, д. 4, Гусаченко Р.), 1700 рублей. Марусе выслал 2000 руб. Больше пока у меня нет. Я посылаю Марусе и Виталику аттестат, тебе я буду высылать понемногу ежемесячно. Учись, будь умницей! Напиши Марусе письмо, уведоми обо мне.

Пиши мне, не ожидая ответа. Пиши чаще. Знаешь, какая радость на фронте получить от близких письмо! У нас кто не получит письма, тот несчастен, а если есть письмо, то выпиваем по 100 грамм.

Мой адрес теперь: Действующая армия, ППС 7679751, старшему врачу Н.К. Гусаченко.

Целую. Твой брат Коля.

Май 1942 года

Здравствуй, Раечка!

Получил от тебя письмо. Благодарю за него. Как ты живешь? Получила ли деньги? У нас сейчас идет большой бой. Фрицы драпают, от артиллерии море огня. Захватываем пленных и трофеи. Скоро буду в Харькове.

Прости, некогда. Я сейчас очень занят.

Пищи чаще! Привет от Н. Стукалова.

Твой брат Коля.

Адрес новый: Кр.Армия, ППС 767–979 СП, врачу Н. Гусаченко.

* * *

*ПШЕНИЧНОЙ
Марии Тарасовне*

ИЗВЕЩЕНИЕ

Ваш муж, военврач 3-го ранга, врач 106 дивизиона ПТО Гусаченко Николай Куприянович, уроженец Харьковской области, находясь на фронте, пропал без вести в июне месяце 1942 г.

Настоящее извещение является документом для возбуждения ходатайства о пенсии, приказ НКО СССР.

Райвоенком Нистеренко
ст. лейтенант

Начальник 2-й части
лейтенант Корона

(Такое же извещение хранилось в архиве отца — Куприяна Ивановича Гусаченко. — Е.Г.)

* * *

ДНЕВНИК ВОЕНВРАЧА Николая Куприяновича Гусаченко

(26.VI.1942 — 22.IV.1943)

26.VI.1942 г.

Прошел месяц, как я в плену. Попытаюсь восстановить в памяти, как это случилось. В мае 1942 года было начато наступление с задачей взять Харьков. К 20 мая мы продвинулись от Алексеевки до Дудковки, отбив ценою громадных потерь Берски, Западный, Климентьевку, Пасики (прошли более 20 км за 8 дней).

С 20-го происходит какое-то замешательство — мы переходим в оборону. В это время нас окружают. 25 мая рано утром в беспорядке отходим назад, для того чтобы прорваться на Ost. К 26 мая в районе сел Красивое и Веселое скопилось море машин, обозов, артиллерии, людей. Командовать некому! В 6 утра мы бежим, как бешеные, на восток, пытаюсь прорваться. И тут началось то, что описать трудно. 26 мая в сумерках нас с Зиной, моей медсестрой, измученных и обессиленных, захватили в плен. На второй день, в день моих именин, началось этапное передви-

жене пленных. Лечебники и новые врачи, которых страшно много, работают, оказывая помощь раненым. Раненых тысячи...

Следующий этап — в Малиновку, затем в лагерь военнопленных г. Лозовая. Здесь я расстался с Зиной. Мне ее очень жаль: она была доброй и чуткой девушкой. Я попрощался с ней в надежде увидеться вновь. Но этому, по-видимому, не суждено случиться.

Дальше — Павлоград. Из Павлограда — в Запорожье, в лагерь. Здесь карантин и работа по специальности. 20 человек нас, врачей, выстроили и нескольких отобрали. Переводчик сказал, что нас будут отправлять в Германию. Делать нечего...

Нас перевели в лазарет военнопленных. Сейчас мы, группа врачей, сидим под охраной в ожидании чего-то нового. Может быть, мы будем отправлены в Германию, а может — в Италию, никто не знает. Говорят, якобы на днях куда-то увезут. Важно одно — не заболеть. Мои коллеги сидят здесь по 9–10 месяцев. Что нас ждет впереди как пленных, трудно себе представить. Плен остается пленом...

...Мне ужасно хочется видеть моего Витусика, но где он, крошка?..

Сейчас, будучи пленным, я имею единственное занятие — вспоминать прошлое. И мало думать о будущем. Я невольно задаю себе вопрос: был ли я счастлив за мои 29 лет? Счастья я не видел, за исключением некоторых отрезков времени, да и его, по сути, нельзя назвать счастьем. За 29 лет я испытал все, кроме счастья. Все! Я смотрел в глаза смерти и только по счастливой случайности, каким-то провидением я остался жив. А сейчас я говорю, что, к несчастью, я остался жить.

29.VI.42. Второй месяц в плену. Тоска по свободе неизбывна. Голодно и тоскливо. Нас 10 врачей, и только это до некоторой степени облегчает нам плен. В лагерьной больнице есть больные и раненые, но наша работа бесполезна: основным лечением тут должна быть пища...

Выезд в Германию по каким-то причинам отменен. Ждем чего-то нового.

2.VII.42. Дни проходят очень медленно. Газетных сведений никаких нет, они недоступны. Сегодня стало известно о падении Севастополя. Среди нас столько разговоров об этом. И о еде. Сегодня еще присоединилось желание курить. Курить нечего.

И такая тоска. Невыносимая тоска. Правда, можно немного читать. Но когда томит неизвестность и постоянно хочется есть, читать трудно. Но я перечитал «Капитанскую дочку», «Подорож в Берлин», «Богдан Хмельницкий». Пытаюсь рисовать (вспоминаю старое занятие). Очень тоскую по своим прежним коллегам.

6.VII.42. Вчера в сопровождении полицая нас отпустили на базар (купить лука и редиски). Ходил Д. Дубейковский, Л. Кула и я. Прошел немного, но после ходьбы чувствую ужасную слабость.

В субботу переводчица попросила меня нарисовать ей портрет с фотографии. За это мне досталось полбуханки хлеба. Я был очень доволен, т.к. смог поесть как следует. Старое ремесло пригодились! Нарисовал второй портрет — для переводчица. За это он мне дает закурить.

Завтра переезжаем в новый лазарет. Я назначен в хирургическое отделение с Д. Дубейковским.

7.VII.42. Стало известно о падении Воронежа. Меня терзает мысль о том, где находятся Виталик и Маруся. Если бы они сумели попасть в Лиман или Изюм. Что будет с Раей?..

9.VII.42. Итак, мы в новом госпитале для военнопленных, врачей поместили отдельно. Тот же конвой, или стража, как ее зовут. Питание ухудшилось. Дают

300 г хлеба в день, утром — баланда из ржаных отрубей, то же и в обед. Вечером — баланда. Разговоры и мысли только о еде.

20.VII.42. Не было ни одной ночи без сновидений. Сегодня видел сон, как будто мы, я и Виточка, купались в бане. Сон был красочный и близок к реальной действительности. Мне кажется, что мой сыночек Виточка болен...

Жизнь моя проходит сравнительно спокойно, т.е. нет размышлений ни о чем другом, кроме как об исходе войны, о семье и — о еде.

Три дня назад узнали, что после сильных боев пал Ворошиловград (*Луганск. — Е.Г.*). Большая половина города горит... Вчера мы с доктором Минником под конвоем были отпущены к знакомым фельдшера Шуры (она упростила немецкого начальника о разрешении), которая решила нас подкормить. Нас там накормили обедом. Народ в Запорожье какой-то безучастный. Удивительно, как ведут себя женщины — гуляют направо с немецкими офицерами, забыв о том, что у них есть мужья. Нравственность утрачена...

25.VII.42. Вчера стало известно о падении Ростова. Сегодня немецкое командование сообщило о взятии Новочеркасска... Ходят слухи, что Англия и Советский Союз оккупировали Турцию...

17.VIII.42. Вот уже месяц, как я не писал. Да и о чем писать? Живу по-старому. Работаю в хирургическом отделении. Много интересного, но его не запишешь. Сегодня был инцидент: больной принес хлеб начальнику — показать, как это мало. Пожаловался! За это получил хорошую порку...

Я стал каким-то пустым. Медицинская работа перестала меня вдохновлять, как раньше. Без лекарств и медицинского материала от нее мало смысла.

Для души рисую в свободную минуту. Нарисовал портрет Маруси и Виталика... Рисую картинки разные и портреты. За это мне дают кто хлеба, а кто курить. Говорят о 2-ом фронте...

6.X.42. Сегодня исполняется 4 года моему любимому сыночку Виточке. Вчера я в дружеской беседе рассказал о нем коллегам. Как больно мне переносить разлуку с сыном и женой!

18.X.42, воскресенье. Исполнилась годовщина, как я получил направление в 975СП253 с.д. — был переведен из авиации в пехотную часть.

29.X.42. Сегодня я видел во сне Марусю — такой, какой ее помню 4 года назад. Она угощала меня яблоками. Этот сон еще острее заставил вспомнить о прошлом...

В плену жизнь стала еще тяжелее. Нас предупредили, что в силу известных обстоятельств Международная конвенция Красного Креста на нас не распространяется, а потому при малейшем поводе нас, врачей, отправят на тяжелые физические работы.

По специальности работы очень много, но до конца ее довести нельзя. Вернее, невозможно полностью использовать все свое умение — из-за отсутствия необходимых лечебных средств...

19.XI.42. Меня перевели работать на плотину. Врачом.

24.XI.42. Я заболел, температура 40 градусов. Послали в лагерьный лазарет.

19 декабря. Что-то со мной творится неладное после болезни — тоска овладевает мною. В последнее время я начал выходить из рамок нервного статуса. Сердце мое все чаще напоминает о себе. Я опасуюсь, что декомпенсация не за горами.

Сегодня я проснулся в подавленном состоянии — снились сын и жена. Я как-то причинил ему боль, он падал. Я стоял на краю высохшего Донца, у пропасти, заполненной водой...

по последние 20 дней не выходил из помещения ни разу. Отвлекаюсь тем, что рисую. Рисую сына, жену, пейзажи. Детально ознакомился с произведениями Байрона, Жуковского; читаю Пушкина. Прочитал несколько современных романов. Сейчас читаю «12 стульев» И. Ильфа и Е. Петрова. Так проходят дни за днями. Боюсь заболеть. Изредка заходят друзья — Минник и Дубейковский. Мои здешние коллеги Завьялов и Королев стали безучастными и апатичными. Может, если буду жив, и со мной то же будет?!

...Вспоминаешь о прошлом и больше думаешь о будущем. Что нас ждет?

28 декабря 1942.

Я еще в 1-м лазарете. Есть, или вернее — была возможность вернуться к своим товарищам, но... Волокиты много, а ходатайствуют только В. и С. Иван Петрович, по-видимому, не хочет этого: он правды не любит. 2 января ухожу в лагерь, а там видно будет.

Занимаюсь гравюрой и живописью. Если останусь жив, это поможет мне в жизни.

...Сильно похудел, одолевает слабость. За месяц только однажды удалось выйти на воздух. Сажу как бы в одиночке. Сегодня за все время растопил, так проклятые клопы ни лежать, ни спать не дают.

Через 3 дня Новый год. Что нас ждет впереди?

31 декабря 1942 г.

Новый год встречаю так: из 4 рукавов от шинели и двух портянок поставил себе на шинель «мех», иначе замерзаю. Позащивал все дырки на своей одежде. Обеденную баланду оставил на вечер, а она прокисла. Новый год ничего хорошего не обещает...

Итак, пережитое в 42 году уже не вернется, а 43-й себя покажет.

3.I.43. Иду в лагерь.

16.I.43.

Живу в лагере. Работаю на пропускнике: вылавливаю температурных больных. Термометра нет. У наших пленных много вшей. Вот уже третий врач заболел сыпным тифом. Если и дальше буду там работать, то тифа мне не избежать. В оставшееся от работы время стараюсь добыть что-то из еды (пшеницу, картофель).

Февраль.

Работаю в амбулатории хирургом. Очень большие и интересные события (*разгром фашистов под Сталинградом. — Е.Г.*).

25.III.43.

Пленных косит сыпняк. Живу с товарищем, больным тифом. Он замечательный парень, понемногу выздоравливает. Сейчас в сыпняке лежат трое врачей. Сегодня и я тоже нездоров: температура, диарея, головная боль. Если только сыпной тиф, то это очень плохо, так как у меня порок сердца.

14.IV.43. Сегодня меня отправляют работать хирургом во 2-й лазарет.

19.IV.43. Три дня тому я виделся с Ив. Дм. Дуб. и доктором Богоявленским. Их арестовали и отправили из лазарета в лагерь.

На второй день по прибытии в лазарет меня навестила Шура. Последний раз я видел ее в декабре 1942 г.

22.IV.43. Вчера был пойман Завьялов, который ушел из лазарета во время болезни. Сегодня его допрашивали...

На этом записи в дневнике Николая Куприяновича Гусаченко прерываются. Очевидно, это свидетельствует о его гибели. Умер от истощения? Сгорел в сыпняке? Был расстрелян? Ответа мы никогда не получим, тем более что свидетелям уже давно за сто лет... Обстоятельства кончины военврача Н.К. Гусаченко семье тоже неизвестны. Отец (*Куприян Иванович Гусаченко, работник вагоноремонтного завода в г. Изюме Харьковской области. — Е.Г.*) получил извещение о том, что сын пропал без вести в июне месяце 1942 года. Долгие годы он надеялся на чудо, как и его дочери, любимые сестры Николая — Варя и Рая. Продолжалось это до тех пор, пока Мария Тарасовна, вдова Николая Куприяновича (врач одной из поликлиник Львова), не получила письмо от неизвестной женщины из Запорожья. Есть веские основания предположить, что это была фельдшер Шура, упоминаемая в дневнике, выжившая в лагере и сохранившая блокнот с рисунками и собственно этот дневник военврача. Письмо было отправлено ею в г. Красный Лиман Донецкой (*тогда Сталинской. — Е.Г.*) области, по адресу родителей жены: Николай Куприянович, сообщая адрес, был уверен, что жена и сын после войны туда вернуться. Мария Тарасовна поехала на встречу с той женщиной, которая и передала ей то, что осталось после гибели мужа. Однако ни отец, ни сестры не были информированы об этом событии, что впоследствии вызвало понятное недоумение у родных. Только накануне кончины матери сын получил дневник отца и блокнот с его живописными работами.

Сын Виталий, ставший образцовым офицером, бережно хранил дорогие сердцу семейные реликвии. В 70-е годы прошлого века он служил на Дальнем Востоке, в последние годы жизни — в Белоруссии. Создал хорошую семью, вырастил дочь и сына: Михаил — талантливый программист, а Татьяна, к слову, по стопам деда пошла в медицину. Однако Виталий унаследовал отцовскую болезнь и скоропостижно скончался, едва отметив 60-летие.

Раиса Куприяновна (кандидат филологии, доцент престижного вуза, автор многих статей и учебных пособий, создатель востребованной книги «Поэты о русском языке», выдержавшей несколько изданий) свято хранила память о любимом брате. Она сберегла в своем архиве письма и фотографии Коли и до конца жизни (2008 г.) рассказывала детям и внукам о его доброте и заботе, которую брат проявлял даже в тяжелых условиях войны. Об этом свидетельствуют его письма «крепко любимой сестре Раечке». Когда младшая дочь родила мальчика, Раиса Куприяновна упросила ее дать внуку имя брата. Дочь согласилась. Теперь Николай — блестящий инженер-компьютерщик.

...После войны Раиса Куприяновна пыталась возобновить контакты с семьей брата (она нянчила племянника в его младенчестве, пережила с Виталиком и Марусей несколько месяцев эвакуации), но Мария Тарасовна уклонялась от контактов. Только после ее смерти тете удалось встретиться с Виталием. Она познакомилась с его женой и детьми, съездила к ним в Белоруссию, а они приехали к нам в Воронеж. Вот тогда Раиса Куприяновна и узнала, что существуют бесценные свидетельства последних месяцев жизни брата — блокнот с рисунками и дневник. Она переписала его от руки и присоединила вместе с блокнотом к письмам и фотографиям.

Пусть сегодня, накануне великого юбилея, читатель перевернет эту страницу памяти о минувшей войне и познакомится с судьбой еще одного солдата — жертвы Харьковского «котла», поглотившего многие тысячи бойцов Красной Армии...